Содержательно-стилистические особенности неканонической православной интернет-проповеди в современной России

К. С. Шаров

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изменению содержания и стилистики неканонической православной религиозной проповеди в цифровую эпоху в российском интернет-пространстве по сравнению с канонической православной проповедью в храме. Особое внимание уделено изучению риторики современных православных проповедников, ведущих свои интернет-видеоканалы, веб-сайты, форумы и блоги. Методология исследования включает системный, структурный и интертекстуальный анализ. Показано, что содержание интернет-проповеди во многом определяется самими интернет-пользователями и тематикой их обращений. Фундаментальными характеристиками содержательной стороны интернет-проповеди становятся: 1) направленность на индивида, личность, его задачи и цели, а не на отвлеченные теологические проблемы; 2) переосмысление феномена ближнего; 3) переход от исихастской традиции проповеди внутренней духовной сосредоточенности к проповеди религиозной интерактивности. Особенности стиля цифровой проповеди можно считать: 1) переход от простых ответов к риторике новых вопросов, адресованных аудитории; 2) эмпатию, со-участие человеку в его жизненных коллизиях и переживаниях; 3) стремление поделиться религиозной информацией, а не навязать ее; 4) наличие различных риторических и стилистических приемов для разной аудитории; 5) тенденция к жаргонизации языка проповеди, подчас даже не обусловленная запросом аудитории. Обращает на себя внимание двойственный, противоречивый характер православной цифровой проповеди в российском интернет-пространстве. С одной стороны, это явление можно считать позитивным для православной проповеди в целом, поскольку таким образом можно распространять христианские идеи в тех социальных группах, которые не составляют ядро прихожан православных храмов, например, школьников, студентов, представителей технических профессий. С другой стороны, до сих пор неясна эффективность такой проповеди. Отсутствие достоверных статистических данных и результатов социологических исследований, касающихся православной интернет-проповеди, не дает возможности на данном этапе развития феномена говорить о его эффективности или неэффективности.

Ключевые слова

неканоническая религиозная проповедь, гомилетика, эпоха интернета, цифровая эра, интернет-проповедь

Для цитирования

Шаров К. С. Содержательно-стилистические особенности неканонической православной интернет-проповеди в современной России // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 83–96. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-83-96

Content and Stylistic Peculiarities of Non-Canonical Orthodox Internet Sermon in Modern Russia

Konstantin S. Sharov

*M. V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper is concerned with a study of the changing content and style of non-canonical Christian religious preaching in the digital age. Special attention is paid to the analysis of modern rhetoric Christian preachers practice in their Internet channels, forums and blogs. It is shown that the content of the Internet sermon is largely determined by the

Internet users themselves and the topics of their appeals. The fundamental characteristics of the content of the Internet sermon are: 1) focus on the individual, their private goals and objectives, not just on theological problems; 2) rethinking the phenomenon of the neighbour; 3) a shift from the Hesychast tradition of preaching the importance of inner spiritual concentration to the preaching of religious interactivity. The observed stylistic features of the digital preaching can be summarised as follows: 1) moving away from simple answers to the rhetoric of new questions addressed to the audience; 2) empathy, co-participation with a person in his/her life conflicts and experiences; 3) desire to share religious information, not to impose it; 4) resorting to various rhetorical techniques to reach different audiences; 5) a tendency to use slang, sometimes even irrespective of the audience's language preferences and expectations. It should be pointed out that the Orthodox Internet sermon in the Russian Internet space has a dual and contradictory nature. On the one hand, this phenomenon can be regarded as positive for the Orthodox preaching in general, since it is a means of spreading Christian ideas in the social groups that do not constitute a core of parishioners of Orthodox churches, for example, schoolchildren, students, representatives of technical professions, etc. On the other hand, the effectiveness of such preaching is still unclear. Lack of reliable statistics as well as the results of the survey related to the Orthodox Internet preaching gives us no opportunity to judge about effectiveness or ineffectiveness of the phenomenon at this stage of its development.

Keywords

non-canonical religious sermon, homiletics, Internet era, digital era, Internet sermon

For citation

Sharov, Konstantin S. Content and Stylistic Peculiarities of Non-Canonical Orthodox Internet Sermon in Modern Russia. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 83–96. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-83-96

Вводные замечания

В современную цифровую эру многие явления культурной и духовной сферы жизнедеятельности общества перешли в пространство Интернета. Мы, метафорически выражаясь, уже постоянно находимся в Интернете: либо мы активно работаем в нем, загружаем информацию, посещаем веб-сайты, общаемся друг с другом, отправляя электронные письма и быстрые сообщения, либо пассивно. Обычно мы не задумываемся об этом, но даже когда мы не находимся у экранов компьютеров, планшетов, телефонов, то программы и приложения, которыми мы постоянно пользуемся, продолжают выходить в Интернет в фоновом режиме и подключаться к компьютерам, планшетам, телефонам других людей, серверам, информационным центрам, поисковым системам, обновляют веб-страницы и собственные базы данных, изменяют информацию, которой мы впоследствии воспользуемся¹. Мало кто из нас выключает свой телефон, а некоторые люди даже не знают, как его выключить. Поэтому 24 часа в сутки 7 дней в неделю наш телефон выводит большинство из нас в мировую сеть – напрямую или косвенно.

Мы буквально пронизаны системой электронных коммуникаций, и Интернет стал нашей непреходящей реальностью. Поэтому неудивительно, что даже такая традиционная деятельность, как религиозная проповедь, также не осталась в наши дни в стороне от «цифровизации». Разумеется, это – неканоническая проповедь, существующая параллельно с классической церковной проповедью. Однако в наши дни неканоническая форма цифровой проповеди начинает приобретать все большее значение не только для религиозных сообществ и отдельных социальных организаций, но и для христианских церквей как в России, так и за рубежом [Detweiler, 2018. P. 14].

В статье рассмотрим содержательные и стилистические особенности феномена интернет-проповеди и попытаемся понять место и роль такой неканонической «электронной» проповеди в православной гомилетике в России в наше время.

¹ Задумается о том, что 96 % заряда аккумулятора в наших мобильных устройствах расходуется на непосредственную или фоновую работу в Интернете.

1. Интернет-проповедь христианства в наши дни

Христианская проповедь, по-видимому, из всех религиозных гомилетических ² традиций позже всего проникла в пространство Интернета. Мусульманские и буддистские проповедники уже в начале 1990-х гг. активно осваивали цифровые медиапространства [Актамов и др., 2015. С. 86; Гимадеева, 2012. С. 216; Голяндин, Горячев, 2013. С. 38], в то время как первые христианские проповедники – протестанты – стали осваивать интернет-технологии лишь в самом конце 1990-х [Cole-Turner, 2011. Р. 194–195]. Вслед за протестантской в середине 2000-х гг. в интернет-пространство вышла католическая проповедь [Spadaro, 2015. Р. 21]. Наконец, представители православной гомилетики включили Интернет в число своих средств лишь в начале 2010-х, когда Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил создание первого православного видеоканала на интернет-ресурсе *Youtube* [Свиридова, 2011. С. 241].

С тех пор с каждым годом в России открываются все новые интернет-сайты, форумы, видеоканалы. Вначале данную традицию поддерживали лишь некоторые представители православных верующих вне клира Русской православной церкви, обладающие необходимыми техническими навыками – в основном программисты, сетевые администраторы и веб-дизайнеры [Иванов, 2018. С. 278]. Они выступали и в роли настройщиков сайта, и в роли проповедников, размещая в своем домене гомилетические тексты, аудио- и видеозаписи. Многие из таких гомилетических вебсайтов являлись псевдоправославными [Свиридова, 2011. С. 240–241]. Однако в данный момент ситуация изменилась: большую часть православных гомилетических интернет-ресурсов ведут православные священники, а техническую часть выполняет специально нанятый персонал ³.

Многие известные представители русского православного духовенства в том или ином виде общаются со своей аудиторией посредством интернет-технологий. Среди них можно вспомнить профессора МДА Алексея Ильича Осипова, прот. Димитрия Смирнова, прот. Андрея Ткачева, прот. Александра Ильяшенко, прот. Андрея Федосова («Киберпопа»), иер. Георгия Максимова, покойного иер. Даниила Сысоева, прот. Владимира Головина, протоиак. Андрея Кураева и многих других. Практически у каждого православного монастыря и крупного храма сейчас есть свой веб-сайт со страницей «Форум», где любой человек может задать свой вопрос и получить от священника ответ на него. Многие представители духовенства являются активными блогерами, в том числе видео-блогерами. Кто-то из священнослужителей ведет активную деятельность в социальных сетях. Иные становятся настоящими медиа-персонами, появляясь в интернет-видеозаписях и даже онлайн-трансляциях даже чаще, чем у себя в приходе [Клименко, 2018].

Православная интернет-проповедь имеет свою особую целевую аудиторию. Так, она, в целом, не рассчитана на большинство пенсионеров, мужчин активного возраста и людей активных профессий [Сидоренко, 2014. С. 94]. Однако среди домохозяек, молодых матерей, студенчества и школьников она часто оказывается популярной, а значит, потенциально эффективной в гомилетическом отношении [Там же. С. 95].

Тем не менее, с филологической точки зрения как содержание, так и стиль такой неканонической проповеди сильно отличаются от проповеди церковной. Постараемся очертить характер этих различий на основе нашего анализа ряда российских проповеднических православных видеоканалов, видео- и текстовых блогов, форумов и чатов, веб-сайтов и новостных религиозных лент.

² Гомилетика – искусство религиозной проповеди.

³ Православные блогеры. РПЦ дала инструкции священникам, ведущим собственные каналы в Интернете // BFM.RU. 05.08.2018. URL: <https://www.bfm.ru/news/391558> (дата обращения 20.02.2019).

2. Содержательные особенности православной интернет-проповеди

Направленность на индивида. Если традиционная церковная проповедь, т. е. проповедь каноническая, в основном строится на сжатом или пространном комментировании отрывков из Священного Писания, житий святых, смысла христианских праздников и не обращается к частным проблемам людей, то в интернет-проповеди все наоборот. Здесь в центр внимания священника-проповедника попадают именно проблемы, задачи, цели, жизненные обстоятельства, чаяния, мысли и мечты его паствы [Кастельс, 2000. С. 471–474]. Катехизация как таковая уходит из интернет-проповеди, ее сменяет социальная модальность представления истин религиозной веры [Spadaro, 2014. Р. 64].

По сути, виртуальному прихожанину неинтересно слушать о догматике и священной истории. Если бы он захотел исследовать данные темы, то пошел бы в храм. В большинстве случаев для него представляет интерес обсуждение именно его личных религиозных переживаний и ответы на конкретные волнующие именно его вопросы, но не разговоры о религии в целом.

Содержание проповеди влияет и на ее форму. Именно по причине нацеленности содержания на личные проблемы виртуальных прихожан православная проповедь на интернет-видеоканалах сегодня обычно строится как развернутые ответы представителей духовенства на вопросы паствы либо в форме интернет-запросов через специальную форму на веб-сайте или хостинге видеоканала (распространенный вариант), либо по телефону или средствам моментальной связи ⁴ (реже) [Кастельс, 2014. С. 226]. Сложность данного вида проповеди заключается в том, что коммуникация между проповедником и восприимчивым его проповеди несимметрична и не представляет собой настоящего диалога: священник трактует вопрос так, как он его понял, и соответствующим образом отвечает на него. Здесь могут быть ошибки и заблуждения коммуникативного характера, происходящие от непонимания или трактовки вопроса, неадекватной посылу вопрошающего [Кастельс, 2017. С. 440]. В случае звонков по телефону и интернет-средствам быстрой связи эта проблема, по-видимому, частично снимается, хотя и не до конца.

Переосмысление феномена ближнего. Как мы помним, один из фарисеев, желая оправдать себя перед Христом, спросил: «А кто мой ближний?» (Лк. 10:29). С тех пор этот вопрос уже тысячи лет волнует христианское сообщество. Сегодня на столь простой вопрос можно получить совершенно неожиданные для традиционной коммуникации ответы [Dawson, Douglas, 2004. Р. 108–110].

Традиционная проповедь строится, исходя из тематики, понятной «своим» и недоступной «чужим» – именно так христианская гомилетика развивалась в ранних церковных общинах в античности. Но сегодня деление «свой – чужой» во многом становится условным [Siker, 2017. Р. 145]. В социальных сетях бытует понятие «друг». Мы понимаем, что этот виртуальный «друг» – вовсе не друг в смысле настоящей дружбы, привязанности, взаимных интересов – это так называемый *фолловер* ⁵ (следующий, тот, кто следует). Менее «интимная» степень соцсетевой «дружбы» репрезентируется категорией «подписчиков». У человека в социальных сетях могут быть сотни и тысячи «друзей»-фолловеров и подписчиков, которые до определенной степени готовы разделять увлечения и интересы человека в цифровом медиа-пространстве. Если человеку становится неинтересно содержание страницы того, чьим «другом» он является, он может выйти из числа «друзей» и стать «другом» уже иного персонажа соцсетевой активности. Вот вкратце и вся сущность понятия «сетевой дружбы».

Соцсетевые сообщества «друзей»-фолловеров и «подписчиков» проповедника потенциально и формируют его паству.

⁴ К таким средствам можно отнести так называемые мессенджеры: Skype, ICQ, WhatsApp, Viber и другие.

⁵ Заимствование-англицизм (от англ. *follower*).

Но как проповедник может быть уверен, что большинство этих людей по-настоящему заинтересованы в том, чтобы он занимался проповедничеством и проповедовал именно христианскую религию? Он априорно не сможет разделить свою целевую аудиторию на интересующихся истинами религии и простыми виртуальными «зеваками», которых интересует, например, лишь обновление фотографий проповедника на его страничке в социальных сетях. Католический мыслитель и проповедник иезуит Антонио Спада́ро так говорит об эффекте перманентного присутствия «ближних» в пространстве Интернета:

Друзья воспринимаются как постоянно находящиеся в онлайн, т. е. доступные для контакта или воображаемые в качестве присутствующих, тех, кто готов «глянуть» на обновления у меня в профиле в соцсети. Они неизменно присутствуют. Отчасти близость определяется тем фактом, что через посредство техники мы оказываемся «на связи», т. е. рядом, т. е. ближним, каждому, кто «установил контакт» с нами [Spadaro, 2014. P. 80]⁶.

В связи с этим возникает огромная содержательная неопределенность, текучесть смыслов интернет-проповеди. Проповедь обязана быть понятной *ближнему*, представителю паствы, но священник нередко не знает личности своего ближнего, а реальный человек с реальными проблемами может заменяться на виртуального гостя, мотивация которого остается совершенно неясной [Spadaro, 2010. P. 138]. При этом есть и еще один серьезный момент. Проповедник, адресующий свое слово аудитории «фолловеров», рискует потерять свою реальную паству, не погруженную в виртуальный мир, например, людей, живущих неподалеку; прихожан храма, в котором он служит; людей, не использующих социальные сети или редко просматривающих электронную почту.

Переход от внутренней сосредоточенности к интерактивности. В русской православной проповеди начиная с XV в. вслед за афонской традицией одной из традиционных тем был призыв к *духовному деланию*, внутренней сосредоточенности, исихазм. По мысли многих церковных писателей, проповедь должна стимулировать в людях внутреннее созерцание, духовную собранность, обращение внутрь себя [Тихонова, Гиниятова, 2013. С. 121]. Проблема в том, что получение информации через Интернет ведет к вовлечению человека в динамичность сети [Jacobs, 2011. P. 26]. Представитель паствы может одновременно открывать множество вкладок в интернет-браузере и переключаться между различными проповедями, стилями, темами, жанрами, выбирая те, которые ему больше по вкусу, т. е. по сути, компилировать некоторую желаемую им самим постмодернистскую проповедь из разных личностей, мыслей, слов, идей.

К тому же пользователи соцсетей и вообще Интернета все более склоняются к *интерактивным* формам получения информации – таким формам, при которых реципиент, получатель информации осознает себя не простым слушателем или читателем, а соучастником некоторого обоюдного медийного действия, при котором не только сеть влияет на него, но и он получает возможность влиять на сеть. Например, практически во всех видеоблогах есть функция комментариев и выставления оценок⁷. Для православной интернет-проповеди это означает, что паства захочет не просто внимать гомилетическому слову, но и оценивать тему проповеди, стиль изложения, риторические способности священника, а также комментировать ход проповеди в онлайн-режиме [Goodacre, 2016. P. 180; Spadaro, 2009. P. 17]. К тому же слушатели проповеди часто хотят общаться друг с другом, обсуждать священническое слово, интерпретировать его.

Достижима ли глубина внутренней духовной жизни при прослушивании интернет-проповеди – вопрос дискуссионный и далеко не решенный. Традиционно мы воспринимаем интерактивность, т. е. способность оставлять свои комментарии или еще каким-либо образом

⁶ Пер. с англ. мой. – К. Ш.

⁷ Я специально избегаю жаргонного слова «лайки», широко используемого молодежью поколения Z. Выставление оценок может быть как в форме ранжирования (например, выставление определенного числа звездочек от 0 до 10), так и в дуальной форме: нравится («лайк») – не нравится («дизлайк»). Жаргонизмы «лайк» и «дизлайк» происходят не от названия породы собак, а от англ. слов *to like* (любить) и *to dislike* (не любить).

принимать участие в интернет-событии, как синоним «поверхностности», а внимательное прослушивание речи религиозного проповедника – как синоним глубины, погружения [Darnton, 2008. Р. 12]. Можно ли совместить в христианской интернет-гомилетике глубину и сосредоточенность с интерактивностью, вовлеченностью слушателя в проповедь уже не в качестве слушателя, а активного участника?

3. Стилистические особенности христианской интернет-проповеди

Стилистика интернет-проповеди также сильно отличается от стилистических особенностей проповеди канонической. Здесь есть ряд моментов, на которые мы обратили внимание, анализируя интернет-проповеди современных православных гомилетов и реакцию аудитории, выражающуюся в виде комментариев, оценок, дискуссий в чатах, блогах и на форумах.

Дихотомия вопрос – ответ. Цифровая паства в России и вообще недавно воцерковленная российская молодежь чаще всего хочет получить заготовки на все случаи жизни, готовые ответы, рецепты и советы [Калашникова, 2016. С. 50]. Многие люди предпочитают, слушая проповедь, слышать конкретные ответы, хотя далеко не всегда умеют правильно задать вопрос проповеднику [Свиридова, 2011. С. 244]. На это можно возразить, что проповедь, построенная только как четкий ответ на заданный вопрос, по сути, уже не проповедь.

По нашему мнению, священникам и светским проповедникам православия необходимо готовиться к переходу от простой формы «вопрос – ответ» к гибридным формам проповеди. Возможно, потребуется обучать паству, как правильно формулировать вопросы, как воспринимать проповедь. Необходимо также помнить, что когнитивные способности человека, погруженного во всемирную сеть, также меняются [Singer, 2013. Р. 133]. При этом есть и иной фактор: люди, сидящие дома за экраном компьютера или находящиеся в дороге со смартфоном в руках, воспринимают по-другому одни и те же гомилетические послы по сравнению с ситуацией, когда они находятся в храме [Lytle, 2013. Р. 78]. Во время просмотра или прослушивания интернет-проповеди нет такой внутренней дисциплины, которая присутствует на богослужениях. Есть лишь стремление получить все ответы сейчас и сразу, при этом велик соблазн воспринимать себя самого автором проповеди, а проповедника – своей марионеткой, служителем своей воли, который должен, как робот, всего лишь давать четкие ответы на интересующие человека вопросы.

Папа римский Франциск и отец Антонио Спададо правы в том, что в ситуации интернет-технологий мы все больше забываем о том, как правильно *спрашивать* о том, что нас волнует, поскольку к нашим услугам всегда есть поисковые системы и масса *ответов* на наш запрос, введенный в строку поиска [Francis, Spadaro, 2018. Р. 112, 135, 188–190]. Многие молодые люди воспринимают получение религиозной информации лишь в виде выбора среди многих возможных вариантов, предлагаемых поисковой системой [Spadaro, 2006. Р. 218]. Но стилистика христианской проповеди вряд ли может быть сведена к простому перечислению возможных вариантов ответа на поставленный пользователем, т. е. представителем паствы, вопрос.

Эмпатия. Роль проповедника в интернет-формах гомилетики как никогда приближается к роли психоаналитика. Безусловно, священник и в реальной жизни нередко сталкивается с обстоятельствами, когда ему приходится быть психологом и даже психотерапевтом [Noble, 2018. Р. 11, 26]. Однако в реальной обстановке храма прихожанин всегда более «мобилизован», более внутренне дисциплинирован и взыскателен к себе, чем в «виртуальности». При этом интернет-прихожанин может быть более требователен как раз к проповеднику. В силу этого, согласно результатам нашего собственного анализа, цифровая паства ожидает, что стиль интернет-проповеди будет более легким, ненавязчивым, а сама проповедь из озвучивания раз и навсегда заданных или предписанных истин превратится в «беседу по душам».

Как показывает наше социологическое исследование ряда объектов цифровой сетевой проповеди (контент-анализ), которое проводилось в 2018 г., проповедник не будет пользо-

ваться авторитетом у виртуальной паствы, если он выстроит свою речь как набор предписаний для своих прихожан.

Объект исследования составили 300 вебсайтов / блогов / видеоблогов / личных страниц на сайтах религиозных организаций / персональных ящиков в соцсетях, принадлежащих христианским священнослужителям (и / или проповедникам), занимающимся религиозной интернет-проповедью. Состав этой группы информационных ресурсов по конфессиям следующий:

- православные – 50 (исследовались только российские православные интернет-ресурсы);
- католики – 50;
- протестанты различных направлений (англикане, включая епископальную церковь США – 50, лютеране – 50, кальвинисты – 50, прочие протестанты – 50).

Предметом исследования были: 1) склонность проповедников задавать вопросы пастве и / или формулировать религиозную проблему в виде открытого обращения к виртуальным слушателям, призыва к ним принять участие в дискуссии, склонности проповедника к эмпатии; 2) отклик интернет-аудитории в виде комментариев / отзывов и выставления знаков одобрения – «лайков» (либо противоположно окрашенных феноменов).

Нас интересовал корреляционный анализ двух данных показателей. Для получения более репрезентативных результатов из каждого сайта / блога / аккаунта в соцсети / страницы было выбрано по пять гомилетических сценариев-ситуаций за 2016–2018 гг. Таким образом, общая выборка составила 1500 текстовых объектов. Анализ текста осуществлялся вручную без применения каких-либо программных технологий.

За каждый случай эмпатии назначался +1 балл, за ее отсутствие балл не назначался. Случаями эмпатии могли быть:

- вопросы, заданные проповедником аудитории,
- призывы к аудитории каким-либо способом поучаствовать в общем деле проповеди, например, сформулировать свои вопросы или озвучить свои проблемы, рассказать свои истории, связанные с темой проповеди, поделиться своим опытом религиозной жизни,
- просьбы оценить / прокомментировать слова проповедника.

В каждом исследуемом тексте могло быть любое количество таких случаев эмпатии, соответственно, назначаемый «балл эмпатии» представлял собой некоторое натуральное число либо 0.

Для каждого текста подсчитывалось количество положительных (одобрительных) и отрицательных (критических, негативных) комментариев интернет-аудитории. Это количество определило «баллы комментариев» (положительных и отрицательных). Наконец, подсчитывалось число «лайков» и «дизлайков» для каждого текста, которые составили «баллы эмоциональности» (положительной и отрицательной). Все баллы суммировались по отдельным конфессиям. Для удобства отображения на одном графике баллы за эмоциональность делились на 50, а баллы за комментарии – на 20. Результаты по разным конфессиям представлены на рисунке.

Анализ зависимости позволяет сделать ряд выводов.

1. Эмпатия проповедника и отклик виртуальной паствы (положительные комментарии, «лайки») по всем христианским деноминациям достаточно хорошо скоррелированы. Расчет в программе *Statistica 13* показывает значения коэффициента корреляции Кендалла между баллом эмпатии и баллом положительных комментариев 0.65 ± 0.10 , а между баллом эмпатии и баллом положительных эмоций («лайков») – 0.52 ± 0.12 . Таким образом, мы имеем среднюю по силе корреляцию, а значит, отклик аудитории может быть маркером успешности проповедника по параметру его умения вовлекать паству в гомилетическое соучастие.

2. Рост количества положительных комментариев / эмоций чаще всего сопровождается падением отрицательных, т. е. они обратно скоррелированы, за исключением российских православных интернет-ресурсов. Возможно, это может быть объяснено относительно недавней историей интернет-проповеди как гомилетического жанра в России.

3. Показатели эмпатии для католиков и англикан наиболее высоки, что может свидетельствовать о двух моментах: а) о более развитой традиции интернет-проповеди в этих конфессиях; б) о специфике кальвинизма, лютеранства и ряда иных протестантских конфессий (например, анабаптизма, адвентизма и т. д.), в рамках которых эмпатия проповедника сознательно не поощряется церковью, а сама проповедь до сих пор строится в основном как набор утвердительных положений, обязательных для выполнения воцерковленными верующими.

Сопоставление эмпатии интернет-проповедника и отклика его виртуальной паствы по христианским конфессиям

The comparison between empathy of Internet preacher and the response of his virtual flock (divided into different Christian denominations)

Legend. Light green stands for the total empathy score; dark green for the total comment score (positive); pink stands for the total comment score (negative); dark blue stands for the total emotionality score (positive); and the red stands for the total emotionality score (negative).

По результатам исследования можно предположить, что интернет-проповедник, не склонный к эмпатии (особенно среди католиков и англикан), обычно вызывает скуку, быстро наступающее чувство утомления и даже раздражение виртуальной аудитории. В интернет-среде, по отзывам разных представителей аудитории, интересны те проповеди, которые построены по принципу сближения с паствой; в них налицо желание проповедника поделиться некой пока не известной людям информацией, приоткрыть определенную тайну, в них присутствует стремление удивить, поразить, изумить слушателя, обменяться мнениями с ним относительно некоторого религиозного вопроса.

Наибольшей популярности достигают те священники, которые умеют выстроить свою речь как попытку донести свое слово, свои мнения, размышления, идеалы до целевой электронной, виртуальной паствы в ненавязчивой форме, а также узнать мнение своих слушателей об обсуждаемых вопросах. В интернет-проповеди должно быть признание проповедником равенства со своей паствой – равенства интеллектуального, духовного и психологического. Интернет-слушатели проповеди вряд ли воспримут ее положительно, если проповедник будет смотреть на них свысока, как на невежественных людей, которым нужно просто «вложить» в голову определенную информацию. Наоборот, они высоко оценят оратора, который опустится в слова до них и никак не будет подчеркивать существующей разницы в их интеллектуальной и когнитивной ситуации. Проповедник должен стать одним из агнцев, а не пастухом – тогда он будет признан электронными слушателями как умелый ритор и опытный психолог⁸. Такая стилистика интернет-проповеди изменяет социальную роль проповедника. Иными словами, для того чтобы интернет-проповедь стала успешной, в ней должна присутствовать психологическая эмпатия и когнитивная синергия проповедника и его паствы.

Артистизм проповедника. Артистизм в гомилетическом стиле – еще одно из неперенных требований современной интернет-аудитории, слушающей православные проповеди. Требования к стилистике здесь связаны с тем, что во многом семантическое пространство интернет-проповеди воспринимается многими «пасомыми» как театр, звуковизуальное зрелище, как игра, в которой и проповедник, и они сами исполняют определенные роли. Здесь от проповедника уже ожидают, что он покажет себя как артист, а не психолог.

Наличие у священника способностей к артистическому воздействию повышает шанс того, что его гомилетическое слово будет услышано и даст затем определенные ростки в душе слушающих. Более того, у интернет-паствы часто присутствует ожидание некоторого игрового элемента в проповеди, некоего действия, лишённого отталкивающей торжественности и «официальности», чего не может быть у паствы, слушающей каноническую проповедь в храме. Интернет-проповедник должен угадать настроение слушателей и подстроить свой стиль под их ожидания – возможно, самостоятельно или с помощью помощников просматривая в онлайн-режиме их комментарии и отзывы.

Использование жаргонизмов. Многие священники и светские проповедники, работающие в цифровом пространстве – (видео-)блогеры, модераторы православных форумов, ведущие онлайн- и офлайн-видеоканалов, авторы видеороликов, ведущие новостных религиозных интернет-ресурсов – имеют тенденцию к сознательной жаргонизации проповеди, снижению культуры языка, включению в текст проповеди сленговых словечек. Иногда это обусловлено ожиданиями аудитории, иногда – нет.

Например, у некоторых недавно рукоположенных молодых священников-блоггеров можно встретить обращение «здорово, братва» при осенении себя и виртуальной «братвы» крестным знаменем. В проповеди других нередко англицизмы-жаргонизмы «хайп», «хипстер», «хейтер», «пруф», «троллинг», «буллинг», «кликбейтинг», «никнейминг», «оффтоп» и про-

⁸ До своего конфликта с Патриархией диакон Андрей Кураев, например, сам стал байкером, чтобы проповедовать в интернет-среде байкеров, и его проповедь некоторое время позитивно воспринималась представителями байкерской субкультуры.

чие заимствования, малопонятные для большинства храмовых прихожан. Частым бывает осознанное включение в гомилетический лексикон специальных компьютерных терминов от «хард» и «маздайный» до «софтина» и «мелкомягкая», поскольку священник считает, что его проповедь может быть интересна компьютерщикам и разнообразным IT-специалистам. Иногда можно заметить использование сленга компьютерных игроков наподобие «лутить», «юзать», «драйв», «скилл», «перк», «лулз», «экспа». У иных православных проповедников, а по совместительству рэперов, можно услышать и такое: «Йоу, бро, как житуха, чуваки?»

Остается, правда, не до конца понятным, действительно ли виртуальная паства оценивает по достоинству такие лингвистические усилия постмодернистских проповедников, ориентированные в первую очередь на молодежные субкультуры с их специфическими языковыми пристрастиями.

Обсуждение и заключение

Явление интернет-гомилетики представляет собой феномен, совершенно новый как для России, так и для православия вообще. Этот феномен пока хорошо не осмыслен и не изучен ни в лингвистическом, ни в культурологическом аспектах. Прежде всего, остается неясным, насколько уместна интернетовская гомилетика *per se*, поскольку не набраны статистические данные относительно эффективности подобной православной проповеди в интернет-пространстве.

Похоже, даже внутри Русской православной церкви есть как голоса *за*, так и *против* дальнейшего развития данного жанра.

С одной стороны, нельзя отрицать потенциальную для церкви пользу религиозной проповеди во всемирной сети. Отказавшись от такой проповеди, церковь может потерять значительную часть своей целевой аудитории для распространения православия, прежде всего, молодежь. Значительное количество молодых людей никогда не придет в храм на службу самостоятельно, а интернет-проповедь может стимулировать их религиозные чувства, показать привлекательность православия для их жизни, объяснить сложные богословские вопросы простым языком.

С другой стороны, правы и скептики, которые опасаются, что описанные выше содержательные и стилистические расхождения интернет-проповеди с канонической церковной проповедью настолько сильны уже даже сейчас, что дальнейшую эволюцию цифровой гомилетики вряд ли можно считать обнадеживающей.

Многое в успехе неканонической проповеди зависит от личности священника. Некоторым проповедникам, таким как отец Дмитрий Смирнов, она блестяще удается. Другие, такие как Владимир Головин, Андрей Федосов или Андрей Кураев из-за своих интернет-проповедей вступают в конфликт с Русской православной церковью и попадают под запрет⁹. Жанр интернет-проповеди оказывается в определенной степени непродуктивным, дестабилизирующим и недисциплинирующим не только для существенной части паствы, которая воспринимает православную гомилетику как постмодернистскую игру никуда не ведущих смыслов, но и для некоторых священнослужителей. В сфере цифровой проповеди к настоящему моменту зафиксировано множество скандалов, случаев неудовольствия и враждебности между проповедниками и их аудиторией, а также между различными проповедниками.

Некоторые православные гомилеты начинают выяснять отношения между собой, забывая о братском христианском духе, который по христианским заповедям должен царить в церкви – в этом контексте показателен совсем недавний пример иерея Георгия Максимова и протоиерея Андрея Ткачева. Иные позволяют себе бестактную и грубую, агрессивную риторику по отношению к своим виртуальным прихожанам, их публичное унижение в сетевом медиа-

⁹ Иначе говоря, временно или постоянно отстраняются по решению правящего архиерея от церковного служения.

пространстве. Ряд служителей церкви с помощью большого количества слушателей проповедуют межэтническую и межрелигиозную вражду, сеют в церкви раздор, распри и конфликты.

К тому же, еще непонятно, насколько виртуальная аудитория, привыкшая к игровому началу при просмотре роликов и выставлению «лайков», готова воспринимать религиозные идеи, содержащиеся в проповеди. Очень часто онлайн-проповедь вырождается в полное отвлечение аудитории от слов священника и переключение внимания людей на переписку в чате друг с другом. При этом темы переписки могут быть сколь угодно далеки и от личности проповедника, и от затрагиваемых гомилетических тем, а иногда могут выражаться в виде явной агрессии против священника, ведущего трансляцию, а также против православной церкви и христианства в целом.

Иногда проявляется массовый психоз паствы, который во многом определяется «эффектом толпы», и виртуальные прихожане из спокойных слушателей – восприимчивых слова Божьего – превращаются в неуправляемую массу. Достаточно вспомнить примеры интернет-проповедей протоиерея Владимира Головина или покойного иерея Даниила Сысоева, которые заранее были спланированы как конфликтогенные, обладающие характером взрывоопасного воздействия на паству. В первом случае эксплуатировался (и продолжает эксплуатироваться до сих пор) миф о дихотомии истинной святости и церковной власти, и интернет-прихожане лишенного сана Владимира Головина были призваны к открытому выступлению против Патриархии, представители которой вместе с Патриархом объявляются «потерявшими кредит доверия Бога». Во втором случае с помощью попытки создания православного фундаментализма отцом Даниилом искусственно раздувался архетип религиозной вражды с исламом, а паства призывалась к святой войне против неверных в выражениях, характерных для папы Урбана, благословившего Первый крестовый поход. В обоих случаях с помощью интернет-проповеди концепт «религия» превращался из объединяющей людей силы в социально опасный феномен, разобщающий мультиконфессиональный российский народ и способный вызвать опасные социальные конфликты. Таким образом, достигается эффект, диаметрально противоположный тому, который предполагается у религиозного сетевого проповедника.

В этом смысле показательным исследование, проведенное А. М. Лаврентьевым с соавторами, в котором при анализе работы программ по обработке текстов экстремистского содержания была выявлена близость подкорпусов «религия», «идеология», «агрессия», «национализм», «сепаратизм», «терроризм» [Лаврентьев и др., 2018. С. 26, 28]. Интернет-проповедь не должна становиться трибуной межрелигиозной вражды, особенно в таком мультинациональном государстве, как Россия.

Возможно, все дело в человеческом факторе, и сама интернет-проповедь, приспособившись к нему, сможет в будущем вполне успешно использоваться как одна из инновационных жанровых форм гомилетики. А возможно, что язык и дискурсивная организация православной проповеди в принципе несовместимы с формами коммуникации между воцерковленными проповедниками и неопределенным кругом любопытствующих, соотносимых с понятием «паства», существующими в интернет-среде в настоящее время. Так или иначе, на данном этапе развития жанра его успех неясен и неопределен. Для осмысления феномена православной интернет-проповеди в российском медиа-пространстве необходим как подробный анализ накопленных результатов, так и дальнейшие более детальные количественные и качественные исследования.

Список литературы

Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вест. Бурят. гос. ун-та. Педагогика. Филология. Философия. 2015. № 6. С. 86–91.

- Гимадеева Д. Р.** Религиозная традиция и современные идентичности в татарских интернет-сообществах // Вест. экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 216–219.
- Голяндин Н. П., Горячев А. В.** Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации // Вест. Краснодарского ун-та МВД России. 2013. № 2 (20). С. 37–40.
- Иванов А. В.** Цифровая религия // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 4. С. 377–381.
- Калашникова М. Б.** Особенности религиозности российской молодежи // Вест. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2016. № 93. С. 49–54.
- Кастельс М.** Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2017. 592 с.
- Кастельс М.** Галактика Интернет. М.: У-Фактория, 2014. 324 с.
- Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ЦЕУ, 2000. 608 с.
- Клименко А.** Трезвый батя, Batushka и Киберпоп: священники-блогеры ищут границы между хайпом и проповедью // Федеральное агентство новостей. 04.10.2018. URL: <https://riafan.ru/1106451-trezvyi-batya-batushka-i-kiberpop-svyashenniki-blogery-ishut-granicy-mezhdu-khaipom-i-propovedyu> (дата обращения 15.02.2019).
- Лаврентьев А. М., Соловьев Ф. Н., Суворова (Ананьева) М. И., Фокина А. И., Чеповский А. М.** Новый комплекс инструментов автоматической обработки текста для платформы ТХМ и его апробация на корпусе для анализа экстремистских текстов // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 19–31. DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-19-31.
- Свиридова Н. В.** Религия онлайн // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 238–247.
- Сидоренко Н. С.** Особенности исследования религии в современном обществе // Научный вестник Южного института менеджмента. 2014. № 3. С. 93–98.
- Тихонова Г. Ю., Гиниятова Е. В.** Особенности формирования религиозной личности в современном культурном пространстве // Изв. Томск. политехн. ун-та. Философия, социология и культурология. 2013. Т. 322, № 6. С. 120–123.
- Cole-Turner, R.** Transhumanism and Christianity. In: Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement. Ed. by R. Cole-Turner. Washington, DC: Georgetown University Press, 2011, p. 193–204.
- Darnton, R.** The Research Library in the Digital Age. *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*, 2008, vol. 61, no. 3, p. 9–15.
- Dawson, L., Douglas, C.** Religion Online: Finding Faith on the Internet. New York, Taylor and Francis, 2004, 279 p.
- Detweiler, C.** Selfies: Searching for the Image of God in a Digital Age. Ada, MI, Brazos Press, 2018, 240 p.
- Francis, Pope, Spadaro A.** Open to God: Open to the World. London, Bloomsbury Continuum, 2018, 240 p.
- Goodacre M.** Mark in a Digital Age: The Internet and the Teaching of Mark's Gospel. In: Communication, Pedagogy, and the Gospel of Mark. Ed. by E. E. Shively and G. van Oyen. New York, Society of Biblical Literature Press, 2016, p. 175–192.
- Jacobs A.** Christianity and the Future of the Book. *The New Atlantis*, 2011, no. 33, p. 19–36.
- Lytle J.** Faith Formation 4.0: Introducing an Ecology of Faith in a Digital Age. New York, Morehouse Publishing, 2013, 164 p.
- Noble A.** Disruptive Witness: Speaking Truth in a Distracted Age. Downer's Grove, IL, InterVarsity Press, 2018, 208 p.
- Siker J.** Liquid Scripture. Minneapolis, MN, Augsburg Fortress Publishers, 2017, 328 p.
- Singer M.** The Untethered Soul: The Journey Beyond Yourself. Oakland, CA, New Harbinger Publications, 2013, 232 p.
- Spadaro A.** Cybertheology: Thinking Christianity in the Era of the Internet. New York, Fordham University Press, 2014, 166 p.

- Spadaro A.** Da che cosa ci “salva” la letteratura? In: Salvezza e impegno. A cura di A. Ramberti, Ravenna: Fara, 2010, p. 135–142.
- Spadaro A.** La grazia della parola: scrivere e leggere nell’esistenza Cristiana. In: Spada a doppio taglio. Domande radicali nella letteratura italiana del Novecento. A cura di M. Naro. Caltanissetta – Roma: Sciascia, 2009, p. 11–22.
- Spadaro A.** La lettura come realtà virtuale: tra letteratura, spiritualità e media elettronici». In: Cross Connections. Interdisciplinary communications studies at the Gregorian University. Ed. by J. Srampickal, G. Mazza and L. Baugh. Roma: Pontificia Università Gregoriana, 2006, p. 211–224.
- Spadaro A.** Quando la fede si fa social. Bologna, EMI, 2015, 64 p.

References

- Aktamov, I. G., Badmatsyrenov, T. B., Dorzhieva, I. Z.** Buddhism in the Internet: A methodology of studying virtual religious communities. *Bulletin of Buryatiya State University. Pedagogy. Philology. Philosophy*, 2015, no. 6, p. 86–91. (in Russ.)
- Castells, M.** Galaxy of Internet. Moscow: U-Factory, 2014. 324 p. (in Russ.)
- Castells, M.** Informational Age: Economy, Society and Culture. Moscow, TsEU Press, 2000. (in Russ.)
- Castells, M.** The Power of Communication. Moscow: HSE, 2017. 592 p. (in Russ.)
- Cole-Turner, R.** Transhumanism and Christianity. In: Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement. Ed. by R. Cole-Turner. Washington, DC: Georgetown University Press, 2011, p. 193–204.
- Darnton, R.** The Research Library in the Digital Age. *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*, 2008, vol. 61, no. 3, p. 9–15.
- Dawson, L., Douglas, C.** Religion Online: Finding Faith on the Internet. New York, Taylor and Francis, 2004, 279 p.
- Detweiler, C.** Selfies: Searching for the Image of God in a Digital Age. Ada, MI, Brazos Press, 2018, 240 p.
- Francis, Pope, Spadaro A.** Open to God: Open to the World. London, Bloomsbury Continuum, 2018, 240 p.
- Gimadeeva, D. R.** Religious tradition and modern identities in the Tartar Internet communities. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2012, no. 4, p. 216–219. (in Russ.)
- Golyandin, N. P., Goryachev, A. V.** Recruitment motivation in extremist and terrorist organizations. *Bulletin of Krasnodar University of Internal Ministry of Russia*, 2013, no. 2 (20), p. 37–40. (in Russ.)
- Goodacre M.** Mark in a Digital Age: The Internet and the Teaching of Mark’s Gospel. In: Communication, Pedagogy, and the Gospel of Mark. Ed. by E. E. Shively and G. van Oyen. New York, Society of Biblical Literature Press, 2016, p. 175–192.
- Ivanov, A. V.** Digital religion. Proceedings of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2018, vol. 18, no. 4, p. 377–381. (in Russ.)
- Jacobs A.** Christianity and the Future of the Book. *The New Atlantis*, 2011, no. 33, p. 19–36.
- Kalashnikova, M. B.** The features of Russian youth’s religiousness. Bulletin of Yaroslav Mudry Novgorod State University, 2016, no. 93, p. 49–54. (in Russ.)
- Klimenko, A.** Sober batya, Batushka and Cyberpop: priests bloggers are searching for a border between hype and sermon. Federal News Agency. 04.10.2018. URL: <https://riafan.ru/1106451-trezvyi-batya-batushka-i-kiberpop-svyashenniki-blogery-ishut-granicy-mezhdu-khaipom-i-propovedyu>, date of access 15.02.2019. (in Russ.)
- Lavrentiev, A. M., Solovyev, F. N., Suvorova (Ananyeva), M. I., Fokina, A. I., Chepovskiy, A. M.** A New Toolkit for Natural Text Processing with the TXM Platform and its

- Application to a Corpus for Analysis of Texts Propagating Extremist Views. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 19–31. (in Russ.)
- Lytle J.** Faith Formation 4.0: Introducing an Ecology of Faith in a Digital Age. New York, Morehouse Publishing, 2013, 164 p.
- Noble A.** Disruptive Witness: Speaking Truth in a Distracted Age. Downer's Grove, IL, InterVarsity Press, 2018, 208 p.
- Sidorenko, N. S.** The particularities of religious studies in the modern society. Scientific Bulletin of Southern Management University, 2014, no. 3, p. 93–98. (in Russ.)
- Siker J.** Liquid Scripture. Minneapolis, MN, Augsburg Fortress Publishers, 2017, 328 p.
- Singer M.** The Untethered Soul: The Journey Beyond Yourself. Oakland, CA, New Harbinger Publications, 2013, 232 p.
- Spadaro A.** Cybertheology: Thinking Christianity in the Era of the Internet. New York, Fordham University Press, 2014, 166 p.
- Spadaro A.** Da che cosa ci "salva" la letteratura? In: Salvezza e impegno. A cura di A. Ramberti, Ravenna: Fara, 2010, p. 135–142.
- Spadaro A.** La grazia della parola: scrivere e leggere nell'esistenza Cristiana. In: Spada a doppio taglio. Domande radicali nella letteratura italiana del Novecento. A cura di M. Naro. Caltanissetta – Roma: Sciascia, 2009, p. 11–22.
- Spadaro A.** La lettura come realtà virtuale: tra letteratura, spiritualità e media elettronici». In: Cross Connections. Interdisciplinary communications studies at the Gregorian University. Ed. by J. Srampickal, G. Mazza and L. Baugh. Roma: Pontificia Università Gregoriana, 2006, p. 211–224.
- Spadaro A.** Quando la fede si fa social. Bologna, EMI, 2015, 64 p.
- Sviridova, N. V.** Religion online. *Philosophy Problems of Informational Technologies and Cyberspace*, 2011, no. 2, p. 238–247. (in Russ.)
- Tikhonova, G. Yu., Giniyatova, E. V.** The particularities of a religious personality formation in the modern cultural space. In: Proc. of Tomsk Polytechnic University. Philosophy, Sociology and Culturology, 2013, vol. 322, no. 6, p. 120–123. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
 26.02.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

- Шаров Константин Сергеевич**, кандидат философских наук, старший преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, 27 корп. 4, Москва, 119991, Россия)
- Konstantin Sharov**, PhD, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University (27 bld 4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119991, Russian Federation)
 const.sharov@mail.ru